

## Глава десятая. Пробуждение былых чувств и рука помощи великого князя

В усадьбе великого князя Чжунжуя в эти дни царило непривычное затишье. Ещё недавно у ворот толпились просители, но после того как перед каждым безжалостно захлопывали двери, желающих испытывать судьбу поубавилось. Стража, получив строгий приказ хозяина, разворачивала любого гостя, не делая исключений.

Командующий Гу Цянь лишь нахмурился и велел позвать управляющего. Дворецкий усадьбы, старый слуга, прибывший вместе с князем из императорского дворца, сразу узнал в госте сына старшей принцессы. Рассыпавшись в извинениях, он поспешно увёл его во внутренние покои, одновременно отправив слугу доложить хозяину.

В кабинете великий князь Сыту Жуй предавался чтению. Услышав доклад слуги, он удивлённо приподнял бровь. Кузен Цзыцянь никогда не жаловал его визитами без веской причины. Что привело его на этот раз? Поразмыслив, князь отложил книгу, сменил домашнее платье на парадное и направился в гостевой зал.

Годы, проведённые в военных походах, не стёрли в великом князе благородства происхождения. Он воспитывался в императорской семье и утончённостью манер разительно отличался от обычных рубак. Статный, с горделивой осанкой и ястребиным взором, Сыту Жуй даже в простом повседневном халате внушал трепет — от него веяло суровым духом поля боя, который невозможно было скрыть никакими одеждами.

С момента возвращения кузена в столицу прошёл уже месяц, и Гу Цянь видел его не впервые. Однако при каждой встрече в груди командующего рождался тихий вздох. Перед ним больше не было того капризного, своенравного мальчишки-принца. Теперь это был закалённый в битвах полководец, суровый и молчаливый. И глубоко несчастный — всякий, кто знал тайну его юности, понимал причину этой вечной тоски.

Великий князь опустил в кресло и, заметив рассеянный взгляд гостя, усмехнулся:

— Неужели ты пришёл ко мне лишь для того, чтобы предаваться грёзам?

— В твоей усадьбе царит такое уныние, что тебе следовало бы благодарить меня за визит, — возвращаясь к действительности, отозвался Гу Цянь.

— Мне по душе тишина, — бесстрастно парировал Сыту Жуй. — Выкладывай, ради кого сам командующий гвардией пренебрёг делами службы?

Вглядевшись в лицо кузена, Гу Цянь убедился: тот действительно ничего не знает о переменах в доме Линь. Поколебавшись мгновение, командующий заговорил непринуждённым, почти светским тоном:

— Раз уж ты спросил... Мне действительно нужна твоя помощь в одном щекотливом деле.

Сыту Жуй искренне удивился. Какая забота могла озаботить любимца императора и наследника маркиза Уяна настолько, что тот решил обратиться к нему?

— Говори прямо, — отозвался князь.

— Заварил эту кашу мой непутёвый брат Цзыгу. Ты ведь знаешь, что перед самым твоим триумфальным возвращением в столицу он снова сбежал, оставив лишь записку?

Сыту Жуй едва заметно улыбнулся. О проделках Гу И он был наслышан. Они неплохо ладили, и известие о том, что юноша не просто сбежал сам, но и прихватил с собой наследника маркиза Тунъаня, изрядно его позабавило. Старый маркиз Уян тогда едва не лишился чувств от ярости и грозился лишить беглеца наследства. Впрочем, все понимали, что это лишь пустые угрозы разгневанного отца.

— И при чём тут твой брат? — усмехнулся Сыту Жуй. — Не прикажешь ли мне отправить погоню и вернуть беглеца в отчий дом?

— В этом нет нужды. Вчера от него пришла весточка. Сейчас Цзыгу обретается в Янчжоу и умоляет подыскать для него нескольких умудрённых опытом наставниц по этикету из императорского дворца.

Гу Цянь внимательно следил за лицом кузена. Стоило прозвучать слову «Янчжоу», как Сыту Жуй едва заметно вздрогнул и опустил взгляд, скрывая вспыхнувший в глазах огонёк.

Гу Цянь мысленно вздохнул и продолжил:

— Супруга инспектора соляного надзора Линь Хая недавно скончалась от тяжёлого недуга. Сиротой осталась лишь малолетняя дочь, и в доме некому заняться её воспитанием. Мой брат, оказавшись в Янчжоу, решил помочь господину Линю. Мы с Линь Жухаем старые друзья, и я не могу остаться в стороне. У тебя же связей при дворе побольше, да и влияние весомее — тебе проще будет отыскать достойных наставниц по этикету.

Гу Цянь намеренно не упомянул о былой связи великого князя с Линь Хаем. Он дал кузену ниточку, а как тот ею распорядится — решать ему самому.

Сыту Жуй долго молчал, вглядевшись в узоры на ковре. Наконец он глухо спросил:

— Когда... когда преставилась супруга Линь Жухая?

— Около месяца назад, — тихо ответил Гу Цянь.

Поскольку великий князь так и не поднял головы, Гу Цянь не мог угадать его мыслей. Прошло немало времени, прежде чем Сыту Жуй произнёс:

— Тебе больше не нужно беспокоиться об этом. Я сам отберу людей и отправлю их в Янчжоу. — Он сделал паузу и добавил чуть слышно: — Спасибо тебе.

Гу Цянь понимающе улыбнулся и не стал расспрашивать.

— Что ж, у меня ещё полно дел в гарнизоне, не буду тебя утомлять. Как выберешь свободный день — обязательно соберёмся за чашей вина.

Проводив гостя до ворот, князь вернулся в кабинет. Он опустился на стул и замер, устремив неподвижный взгляд в одну точку. Как давно он не слышал этого имени! Все эти долгие годы он заставлял себя молчать, довольствуясь лишь редкими скудными вестями о том, что Жухай жив и здоров. Он сознательно душил в себе любое желание расспрашивать о нём, боясь растревожить старые раны. Пролетело больше десяти лет. Сыту Жуй был уверен, что их дороги разошлись навек и до конца дней им суждено оставаться чужими людьми. Но судьба внезапно преподнесла ему этот щедрый дар, намекая, что ещё не всё потеряно.

Но сердце великого князя сжимало сомнение. Прошло столько зим... Захочет ли Жухай простить его? Сможет ли сделать шаг навстречу?

Спустя три дня отряд всадников спешно покинул столицу, направляясь на юг, к Янчжоу. Великий князь лично отобрал нескольких умудрённых придворным этикетом наставниц. Главой над ними он поставил матушку Лю — бывшую доверенную служанку покойной императрицы, женщину преданную и мудрую. Перед дальней дорогой Сыту Жуй лично напутствовал её, строго-настрого наказав беречь маленькую барышню Линь как зеницу ока. Сам он всем сердцем рвался в Янчжоу, но понимал, что былой юношеский пыл теперь неуместен. Долгие годы разлуки требовали взвешенных решений, и ему нужно было тщательно обдумать их грядущую встречу.

Матушка Лю нянчила Сыту Жуя с младенчества, и её слово имело вес не только для великого князя, но и для самого императора. Подобная поездка была не по её почтенному чину, однако верная служанка слишком хорошо знала, какая печаль гложет сердце её воспитанника все эти годы. Под предлогом того, что на склоне лет ей хочется взглянуть на красоты юга, она сама выпросила это поручение у великого князя, и тот с благодарностью согласился.

Корабль матушки Лю на всех парусах мчался на юг по Великому каналу, разминувшись на речных перекрёстках со столичными лодками, на которых возвращались восвояси посланники дома Цзя.

\*\*\*

В Янчжоу же после отъезда навязчивых столичных гостей наконец воцарился долгожданный

покой. Узнав, что домашний учитель Дайюй покинул поместье, господин Гу И тотчас вызвался занять его место, с готовностью предложив свои услуги в качестве наставника.

Отныне маленькая Дайюй прилежно занималась под его руководством. К урокам присоединился и Сяо Чжиюань. Благо оба они были ещё сущими детьми, и совместные занятия не нарушали строгих приличий. В один из дней господин Гу собрался навестить старого друга и перед уходом оставил ученикам задания.

Барышне Линь он велел сложить стихотворение из семистопных строк с произвольной рифмой, а своему племяннику Чжиюаню поручил написать рассуждение на государственную тему. Гу И прекрасно знал способности Сяо-третьего: в трактатах о политике тот смыслил неплохо, но вот к поэзии у него не было ровно никакого дара. Дядюшка мудро решил не заставлять юношу позориться попусту.

Кое-как завершив свой труд, Сяо Чжиюань с облегчением отложил кисть и обернулся. Дайюй уже вовсю предавалась чтению. Маленькая, хрупкая девочка сидела на специально укороченном для неё стуле, невероятно прямая и сосредоточенная. От неё веяло удивительной безмятежностью. Улыбнувшись, Чжиюань подошёл к её столу и взял исписанный лист бумаги. На нём изящным почерком было выведено идеальное восьмистишие.

Несмотря на нежный возраст девочки, её штрихи ложились на бумагу уверенно и изысканно — в них уже угадывалась рука будущего мастера каллиграфии. Сами же стихи дышали живым вдохновением, до которого Чжиюаню было дальше, чем до небес. Сравнив безупречные строки сестрицы со своими каракулями, бедный юноша почувствовал, как к его уязвлённому самолюбию добавилась новая глубокая рана. В эти дни его гордость и без того подвергалась суровым испытаниям, но сейчас он окончательно пал духом. Впрямь, разве может простой смертный тягаться с сошедшей на землю небожительницей? Дайюй схватывала всё на лету, обладала поразительной памятью и никогда не переспрашивала дважды. Рядом с таким гением обычный человек чувствовал себя круглым дураком.

Заметив его взгляд, Дайюй отложила свиток и с недоумением спросила:

— Братец, неужели Юй-эр написала что-то не так?

— Ну что ты! — поспешил заверить её Чжиюань, натянув улыбку. — Твои стихи великолепны. Я лишь диву даюсь, как в такие лета можно слагать столь прекрасные строки.

Девочка невинно заморгала:

— Матушка Линь говорила, что мой отец в моём возрасте сочинял ничуть не хуже.

Она явно намекала, что в её способностях нет ничего из ряда вон выходящего. Осознав это, Сяо Чжиюань ощутил, как его израненное сердце окончательно облилось кровью. Заметив, что лицо названного брата сделалось совсем унылым, Дайюй, не подозревая, какой жестокий

удар только что нанесла его мужскому тщеславию, участливо спросила:

— Братец, тебе нездоровится?

— Вовсе нет, — поспешно отогнал упаднические мысли юноша. — Скажи лучше, чем планируешь заняться после уроков?

Дайюй ненадолго задумалась:

— Особых дел нет. Но матушка Линь обмолвилась, что мне пора приниматься за рукоделие.

Чжюань лукаво усмехнулся. Он притворно вздохнул:

— Ах, вот оно что... Как жаль. А я-то надеялся показать тебе город. Но раз ты занята, придётся мне идти одному.

Дайюй мгновенно просияла.

— Правда?! Я тоже хочу! — воскликнула она, вцепляясь в его рукав и глядя на него снизу вверх с такой мольбой, что у Чжюаня защемило в груди. Он с трудом удержался от желания потрепать её по пухлой щёчке. «До чего же она очаровательна!» — подумал он.

Дайюй, разумеется, не догадывалась о его чувствах. Решив, что брат попросту дразнит её, она сердито надулась:

— Братец снова надо мной издевается! Вот пойду и всё расскажу наставнику!

Девочка круто развернулась, собираясь уйти, но Чжюань поспешно преградил ей путь:

— Хорошая моя, я же просто шучу! Ну как я могу оставить тебя дома? Но если ты сейчас поднимешь шум, наставник ни за что нас не отпустит.

Дайюй прищурилась, глядя на него с явным сомнением:

— А папе мы ничего не скажем?

Слегка щёлкнув её по кончику носа, Чжюань заговорщически подмигнул:

— Положись на меня. Но сперва нам нужно кое-что подготовить.

Он вывел Дайюй из кабинета и велел слугам принести заранее припасённый узел с вещами. Протянув его девочке, он велел ей переодеться в своей комнате. Старшие служанки, некогда прислуживавшие покойной госпоже Цзя Минь, встревожились и открыли было рты, чтобы возразить, но встретили столь суровый и предостерегающий взгляд молодого господина Сяо, что тут же осеклись.

Пока Дайюй переодевалась у себя в покоях, Чжияюань, оставшись ждать во дворе, неторопливо обратился к служанке:

— Я знаю, Бань-ся, что ты печёшься о благе своей госпожи. Но раз она зовёт меня братом, неужели я стану ей вредить? Нашу прогулку я заранее обсудил с господином Линем, так что можешь не тревожиться.

Бань-ся, будучи умной и преданной служанкой, мгновенно смекнула, что её излишняя подозрительность задела гостя. Хотя на душе у неё по-прежнему было беспокойно, она склонилась в глубоком поклоне и вежливо произнесла:

— Прошу почтенного молодого господина простить мою дерзость.

Чжияюань вовсе не собирался придирается к верной прислуге. Он мягко улыбнулся:

— Твоя верность делает тебе честь. Иначе господин Линь не доверил бы тебе заботу о дочери. Барышня Линь — дитя благородной крови, и беречь её от дурного глаза действительно необходимо. — Юноша сделал небольшую паузу и добавил: — Кроме того, мой дядя и твой хозяин дружны с давних пор. Мой наставник спит и видит, как бы назвать Юй-эр своей приёмной дочерью. Так что, почитай, она мне почти кузина. Кому же, как не мне, заботиться о ней?

Эти слова заставили Бань-ся устыдиться своего малодушия.

— Забота молодого господина Сяо видна каждому в этом доме, — искренне ответила она. — Не всякий родной брат стал бы так оберегать сестру.

И это была чистая правда. В последнее время Чжияюань, стоило ему раздобыть какую-нибудь диковинку или сладость, первым делом отправлял подарок в покои Дайюй, выражая ей величайшее внимание.

«Братом я ей точно быть не хочу», — мысленно скривился Чжияюань, но вслух ничего не сказал. Сейчас важнее всего было завоевать доверие обитателей дома Линь, поэтому он лишь благосклонно кивнул, сохранив на лице самую благожелательную улыбку.

Вскоре дверь отворилась, и на пороге появилась Дайюй. Чжияюань заблаговременно приготовил для неё мужское платье: хоть девочка была совсем юной, барышне из приличной семьи не

пристало разгуливать по улицам в женских одеждах. Из-за хрупкого телосложения Дайюй казалась младше своих лет, а в просторном наряде маленького учёного и вовсе выглядела сущим крохой.

Она забавно надулась и поправила непривычный воротник:

— Братец, неужели мне обязательно наряжаться мальчиком?

Чжиюань с довольным видом погладил её по голове:

— Тебе очень идёт. Девушке негоже привлекать лишнее внимание праздной толпы, а в этом платье никто не заподозрит неладного.

Конечно, он позволял себе подобные вольности лишь потому, что сестрица была ещё дитя. Будь она постарше, Чжиюань, напротив, настоял бы на женском платье и плотной парчовой вуали — делить её неземную красоту со случайными прохожими он не собирался ни под каким предлогом.

<http://bllate.org/book/18189/1752593>